

В 1964 году о стенку копра шахты им. Ленина под звуки оркестра будет разбита бутылка шампанского. Большому кораблю - большое плавание. Мощность шахты была определена в 1 млн. 200 тыс. тонн угля. В 1968-м объединение с «Наклонной» позволило увеличить ее мощность до 2 млн. 100 тыс. тонн. К 1996-му шахта должна была уже давать 2 млн. 700 тыс. тонн. Поле по проектированию - 3000-6000, по падению - 770 - 3000 метров. Отрабатываемые пласты - Д10-11, Д9, Д6, Д5 мощностью 2,4; 1,25, на западном крыле - 6.1 метра.

Как правило, геологи стараются обозначить все нарушения, с которыми могут встретиться разработчики земных недр, которые пойдут вглубь уже по их картам и схемам. На первый взгляд, вроде бы все и сделано. Преобладающие углы падения пластов - 10-15, в западной части - 20-30 градусов. Гипсометрия спокойная. Приток воды в основном происходит из карбоновых отложений. Шахтное поле было вскрыто девятью стволами.

Не специалисту в этой области подобное описание, наверное, скажет далеко не всё, а геолог должен знать, где и когда происходили тектонические нарушения, которые вздыбили горные породы, поставив на пути к углю богатырей, отлитых из базальта. Чтобы разобраться во всем этом, Владимиру Андреевичу Еременко надо было вначале вдосталь походить по земле-матушке и только после этого спуститься под ее покровы. Темень, ни зги, и только фонарик высвечивает страницы истории зарождения самой планеты. Чертовски интересно, но этого мало для того, чтобы научиться распознавать ее голоса.

Геологи - это вообще особенная каста, и объединяет их не столько романтика, - хотя это всегда присутствовало, - сколько стремление познать природу того или иного камня. Для него это как опознавательные знаки - чему сопутствуют: углю, золоту, если металлу, то какому? Все это разноцветными нитями расписано на каменном срезе скорее времени, нигде не обрывающегося и вроде бы не имеющего узлов, но именно оно - время - их и оставило.

Марш пятилеток ощущался только на парадах, в праздничных приветствиях. «Пятилетку - в 4 года», а вместо пяти - уголь, а между ним тектонические нарушения, и прежде чем начинать проходку, их еще и найти надо. Эти вопросы возникали не в институте и даже не на первой практике, их зададут горные породы, когда он начнет разгадывать их тайны. Это желание - понять, что скрыто под земными толщами, - видимо, и определило выбор.

Факультет геофизики. Тут два аспекта, которые привлекли сюда этого сильного, волевого парня. Гео - Земля. Ее красотами любовался чуть не с первого класса, физика - любимый предмет. Эта область человеческих знаний до конца, наверное, никогда познана и не будет, значит, можно успеть сказать и свое слово. Все складывалось как нельзя лучше: даже юношеское увлечение радиотехникой оказалось к месту, так как аппаратура на факультете была старенькая, а он всегда был готов помочь не только студентам, но и лаборантам.

Мальчишки становились мужчинами. К нему это чувство пришло несколько раньше, чем к некоторым его сокурсникам.

По соседству с ним жила красавица-девочка Наташа, Наташенька - огонь в глазах. Она и покорила сердце парня. Да иначе и быть не могло. Не только в институте - во всем городе не было девчонок краше. Профессии, как и жену, выбирают только раз. Не ошибешься - твое счастье. Диплом, свадьба - всё это слилось в единый праздник, имя которому - счастье. Наверное, очень многое было бы потеряно в нашем душевном опыте, если бы мы не научились дорожить тем святым чувством, имя которому «любовь».

Владимир получил направление в Башкирию, в город Нефтекамск. Работать пришлось на месторождении Орлан-нефть. Я совершенно не хочу рассказывать, с чем встретилась молодая пара. Пятилетки, они и здесь были такими же - «больше думай о Родине, а потом о себе». Но как бы там ни было, они были счастливы. Наташа подарила мужу дочь Светлану. Хотите вы того или не хотите, но и само имя первенца тоже в какой-то мере характеризует взаимоотношения, а может быть, даже и его будущее. Свет - это жизнь. Потом появился и сын Андрей. Дочь окончила тот же техникум, в котором училась мать; Андрей - на четвертом курсе отцовского института, только теперь он уже называется техническим университетом. Но Светлане полученных знаний показалось маловато,

не хочу обидеть маму, но тяга к знаниям, наверное, уже от отца, - поступила и успешно учится на втором курсе университета, будущий психолог. Психология - это великая наука, надо только научиться сопоставлять знания с самой жизнью - и все получится. А у отца с матерью уже и третий сын подрастает - Юрий, шестой класс закончил.

Палатки у буровых, сам город нефтяников, та необустроенная и вместе с тем полная романтики жизнь многому научили молодую пару, и самое главное, наверное, - думать уже не столько о себе, сколько о детях, стариках, оставленных в Караганде.

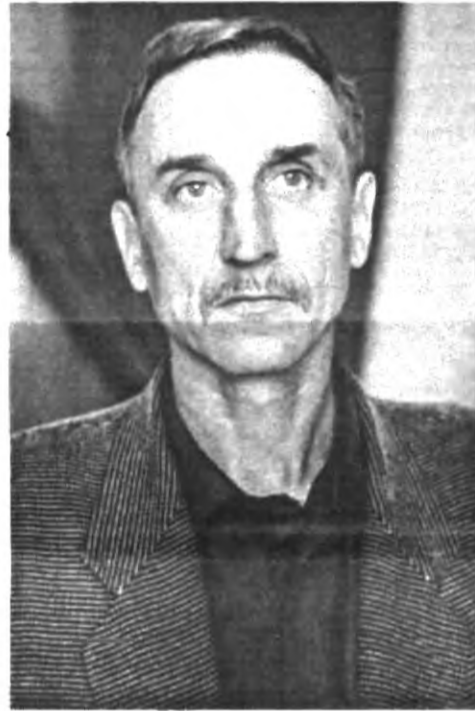
Любовь, долг, обязанности не бывают большими или малыми. Это либо дано человеку, либо - нет, стало быть, лишен счастья любить и быть любимым. Владимир Андреевич убежден в этом. Все, что не нравственно, - против человека, против его природы. Отсюда, наверное, и отношение

го, без чего вообще немислима профессия геолога, и привело его на шахту им. Ленина.

«Геология», «геофизика» - вроде бы очень близкие, родственные понятия, но не по делу, которым пришлось заниматься. Он уже хорошо знал шахтное поле, и всё-таки это был взгляд геофизика, если хотите, сверху, а подземные лабиринты увидел впервые. Перед ним раскрылась вековая история земли, к которой и шел все эти годы, вряд ли думая о той поразительной преданности, с которой, как истинный старатель, относился к своим исследованиям, постоянным поискам, скрупулезно сопоставляя полученные результаты исследований одной скважины с другими. Как жаль, что на груди забоя, вдоль которого шел, нельзя написать имена его предшественников, его собственного имени, ибо пройдет комбайн и, как пила времени, срежет, как и все недавнее, что еще хранит память.

Человек года

«Держись, геолог, крепись, геолог...»

«Когда плачет камень, он обрастает мхом, от слез же людей возникает пустота...» В команде геологов московского профессора Гапеева была женщина, и ей были простительны подобные слабости. Десятая скважина - песчаник и небольшие прослойки угля. О тех пластах, которые выходили на поверхность, гапеевцы, конечно же, знали. Но им надо было не потерять, а приумножить запасы. Либо далеко ушли, либо пласт лежал гораздо ниже, но буровые до него еще не дошли. И вот наконец - керн! Еще не подняли, со свистом пошел метан - неотъемлемый спутник угля. Вроде бы радость - под ним богатый пласт, но это не вызвало улыбок. Что такое метан, ни Гапееву, ни Лутонину говорить не надо. Одна искра - и взрывоопасный газ поднимет землю вместе с буровой. Они застолбят и этот участок, правда с пометкой - «метан». Спустя десятилетия сюда придут другие люди, оконтурят шахтное поле. Начнется строительство.

к людям, с которыми довелось встретиться, к самой работе.

Караганда встретила как родного сына. Место работы нашлось сразу - Центральная геологическая поисковая экспедиция, опять на выезде, в поле. Северо-западная поисковая партия занималась разведкой угольных запасов. В некоторых архивных документах уже давно была названа и цифра - 52 миллиарда тонн, но он, геофизик, и тогда уже хорошо понимал: первые разведчики с большей или меньшей точностью определили простирание пластов, их мощность, но для строительства новых шахт необходимы более тщательные исследования, результаты которых не только подтвердили бы наличие угля, пригодного для промышленной разработки, но и дали бы достаточно полное представление об его залегании, возможных тектонических нарушениях. Выводы, которые уже были сделаны, требовали тщательной перепроверки.

Этим и обуславливалась необходимость доразведки залегающих угольных пластов на территории шахт «Тентекская», «Казахстанская», им. Ленина. Буровые работы вела гапеевская экспедиция, а он, геофизик, проводил исследования земных пластов, сквозь которые проходили скважины. Он был вправе считать себя первооткрывателем, хотя никогда и не говорил об этом. «Держись, геолог, крепись, геолог, - ты ветру и солнцу брат». Чего - ветра и солнца на десятерых бы хватило. Все труднее становилось с оборудованием: то долот не хватало, то шарошек, а в последнее время - и солярки для двигателей, чтобы вести буровые работы. Заменяли одна, вторая, третья опустевшие установки. Вот когда он вспомнил фразу Петросяна: «Когда плачет камень, он обрастает мхом, от слез же людей возникает пустота и ничем ее не заполнить...» Люди уходили с буровых, а они еще долго стояли в поле, брошенные на произвол судьбы, как и всё, что было связано с их работой. Если мы говорим: будущее государства - в детях, то перспектива отрасли - в предвзвешенной разведке запасов угля, а этого не происходило. Не станки - ветер гудит на буровых вышках. Какая уж тут романтика, но, может быть, именно это чувство вечно-

Сколько ему надо было походить по земле, для того чтобы наконец получить доступ к ее несметным богатствам?! Увидеть все это равносильно явлению Христа народу. Мужики улыбаются. «Новенький!» И это под земной толщей в 600 метров! Кажется, стальные стойки не выдержат такой тяжести, вот вот надломятся, и вся земная твердь рухнет на головы, а они об этом и не думают. Сам Владимир Андреевич поймет это гораздо позже, когда отмерит по этим подземным горизонтам уже не один десяток километров. О возможных опасностях не говорят - не принято, но быть ко всему готовыми обязаны, как и геологи, идущие по тайге, ждут встречи с уссурийским тигром, но никогда не знают, когда это может произойти. Здесь страшнее, ибо твоя ошибка может поставить на грань с тобой идущих. Я совершенно не собираюсь сгущать краски. Случилось то, что случилось. Здесь времена года не различимы. Там, наверху, пурга, слякоть, а может быть, и ясная солнечная погода - все это никоим образом не влияет на поведение горной породы, сквозь которую проходчик ведет свою стальную машину, да они ничего и не подозревали, как вдруг, - а это только так и происходит, - в подготовительном забое переходили скважину, она ушла в сторону и выдавила огромную глыбу угля - тонн пять, не менее. Надо было убедиться - не идет ли газ. А на шахте это вполне возможно. Он только подошел к скважине, как глиняная пробка вместе с накопившейся жидкостью рухнула вниз, едва не сбив его с ног. Гул камнепада уже утих, а горняки, которые на своем веку тоже повидали многое, все еще стояли прижавшись к комбайну. Один он только и оставался на месте. Только представьте себе всю значимость этого момента - страх чего-то ужасного и улыбку человека, который и сам себе не мог опровергнуть своего поведения. Смелость? Да нет, пожалуй, растерянность. Но сказал все-таки: «Ну, что, мужики, дальше поедем?» Многие из них, да и сам Владимир Андреевич, помнят тот случай, когда, прихавшись к комбайну, он давал направление, как пройти геологическое нарушение, чтобы выйти из угольного пласта, пройти через породу и опять продолжить его разработку. Бывало, и на две смены оста-

вался, чтобы пройти нарушения с наименьшими потерями.

Случай... но он на многое открыл глаза. Здесь, внизу, надо ко всему быть готовым.

Все, что можно было узнать, ведя разведку сверху, он знал: мощность пласта, зольность, гипсометрию, а здесь требовалась детальная разведка залегания каждого пласта, геологических нарушений.

Владимир Андреевич Еременко назначается главным геологом. Для того чтобы как-то понять меру ответственности, нужно привести всего лишь одну цифру: на каждую добываемую здесь тонну угля выделяется до 60 кубометров взрывоопасного газа метана. Его появление в забое могут уловить только чуткие к нему приборы. Этот газ не имеет ни запаха, ни цвета, ни даже какого-то вкуса, чем вообще-то и опасен. В мире мало разрабатываемых пластов, столь ревностно охраняемых подземным джином. Для того чтобы вести здесь добычу, нужна не смелость, а точные прогнозы геолога, и не только о наличии газа, но и о каждом изгибе пласта, а любом геологическом нарушении. Попытайтесь понять это, зная, что протяженность горных выработок превышает десятки километров. Он не имел права подчинить все только товарной выгоде: чем больше угля - тем больше денег. Прежние идеалы - покойники, но, слава Богу, есть еще нечто врожденное, а может быть, и принятое от своих предшественников, - совесть, глубочайшая преданность делу, которому служишь. Исчезни это, и жизнь превратится в безрадостный конвейер, а люди - лишь в заменяемые детали скучнейшего механизма. Не только сказать, он и думать себе об этом не позволит. Гео - Земля, а он - высшее ее создание.

Он ждет от молодых, а это интереснейшая пора, весенней энергии, раздумий, поисков, надежд, обретения веры в бесконечность жизни, которую несут людям горняки участка - миллионера Владимира Викторовича Романова. Он, геолог, а потом и маркшейдеры проложили этот путь к высочайшим нагрузкам горнякам этого участка, а значит, и к жизни, которую своим трудом делают и богаче и счастливее. Чувствует это и по родным детям. Вчера его и ошуща недобров, сегодня же факультете такие же парни, каким еще недавно был и сам, готовятся к поиску не до конца найденных богатств земли. У него хорошие помощники, такие же преданные делу, как и он сам. Это Наталья Николаевна Чернецкая, в свое время закончила свердловский институт, геолог не по профессии - по призванию. Когда-то тоже работала в Гапеевской экспедиции, а теперь здесь изучает горные породы. Она ведет разведку по пласту Д6, который по своей структуре предрасположен к выбросам газа и горной породы. Виталий Николаевич Сочков - из тех молодых, на которых и делает ставку. На шахте второй год, опыт приходит только с возрастом, но главное - человек старается, а учиться есть у кого. Главная обязанность геологической службы - обеспечить достоверность запасов шахты, залегания пластов, чтобы с меньшими потерями проходить горные выработки и отрабатывать угольные пласты очистными работами.

А начинается все это с раскройке шахтного поля. В этой работе заняты многие службы. Это подача воздуха, воды, электроэнергии. Наиболее крупные геологические нарушения сегодня встречаются на восточном поле. Геологи делают все возможное для того, чтобы при ведении очистных работ не оставить, «не похоронить» под землей даже самого тонкого угольного пласта. О том, что и эта большая, трудоёмкая работа проведена по всем правилам, говорит уже тот факт, что при согласовании норматива в управлении по охране недр не сделано никаких замечаний. Потери минимальные, а без них, к сожалению, пока не бывает. Не земля, а человек подстраивается под ее требования.

Сброс в 43-й, 44-й, 45-й лавах, амплитуда смещения - от 8 до 12 метров. Все это обнаружилось уже не бурением с поверхности - снизу, что гораздо сложнее.

Владимир Андреевич поднимает сколотый комбайном кусок породы, и я вижу его влажные от «слез» стенки. Камень, который тысячелетия хранил в тайне этот вход к подземным кладовым, не выдержал. Человек оказался сильнее.

А. ВОЕЙКОВ.

На снимке: главный геолог шахты им. Ленина В.А. Еременко.

Фото В. Фетьковского